

Другим автором, выступившим с критическими репликами в адрес основного вкладчика «Собеседника», Екатерины II, был С. П. Румянцев. Его письма «к г. Сочинителю записок о Российской истории» (III, 167—172) и «к сочинителю „Былей и небылиц“» (VII, 164—168), правда, не касались языковой стороны сочинений императрицы. Но придать полемике характер лингвистических несогласий поспешили сами издатели «Собеседника». В 8-й части журнала редакция поместила «Прошение к господам издателям «Собеседника» от «всегдашнего Собеседника читателя», полное уничижительных нападок на последнее письмо С. П. Румянцева. «Прошение» содержало обращение к редакции «не отягощать публику такими сочинениями, которые писаны языком неизвестным» (VIII, 27). Анонимный оппонент Румянцева (не исключено, что под псевдонимом скрывалась княгиня Е. Р. Дашкова) особо подчеркивал языковые недостатки его писем. В них, по его мнению, «едва ли есть строка, написанная русским слогом» (VIII, 29). Ссылаясь на образцы дотошной критики Любослова, автор «Прошения» подвергает упомянутые сочинения столь же строгому суду и сам предпринимает попытку публично обнажить невежество своего противника, разобрав несколько неудачных выражений С. П. Румянцева. Завершалось «Прошение» рекомендацией: «Ежели вам сочинитель сего письма знаком, то посоветуйте ему поучиться прежде Российской грамматике, а потом уже отдавать свои сочинения печатать» (VIII, 31).

Нападки на Любослова и на автора, принявшего псевдоним «Ни одной звезды во лбу не имеющий» (им был С. П. Румянцев), повторились в следующем, 9-м томе «Собеседника», опубликовавшем письмо к издателям и «Краткие записки разнощика». (IX, 7—16). Автором письма и «Записок» была княгиня Дашкова. Она вновь привела не выдержанные в стилистическом отношении фразы из сочинения С. П. Румянцева «Петр Великий» (VII, 169—177), сопроводив их язвительными комментариями.

Иногда, впрочем, полемика носила характер мистификации. Известные и, по всей вероятности, мнимые оппоненты редакции «Собеседника», вызывая огонь на себя, своей критикой по существу популяризировали стиль и манеру «критикуемых» ими сочинений. Именно так, по-моему, обстояло дело с обменом письмами между анонимным автором письма, «содержащего критику на „Были и небылицы“» (VI, 175—178), и ответившим ему тут же Каноником (под этим псевдонимом скрывалась, по-видимому, сама Екатерина II) (VII, 117—119). Как пишет анонимный автор письма, в «Былях и небылицах» «мы не видим общих мест риторических, служащих многим авторам в их творениях»; они писаны «без фигур, употребляемых всеми витиями: неоспоримо, что повсюду блещет в